

Сургучев И. О сером и синем глазе Чехова.

К представлению «Вишневого сада» // Возрождение
(Париж). 1926. 13 ноября. № 529. С. 2–3.

О сѣромъ и синемъ глазахъ Чехова

къ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ «ВИШНЕВЫЙ САДЪ»

Это было въ Прагѣ, когда заграницу прїѣзжалъ Станиславскій, первый разъ вышесанный изъ Москвы.

Послѣ «Трехъ сестеръ» мы съ однимъ знакомымъ чехомъ пошли ужинать. Чехъ, пораженный, видимо, московскимъ спектаклемъ, все время недоумѣнно разспрашивалъ меня.

— Скажите, пожалуйста, — со своимъ милымъ акцентомъ и невѣрыми удивленіями спрашивалъ онъ: — или я дуракъ, или что-то другое, но я ничего не могу понять въ этой пьесѣ. Будемъ говорить ясно. Какіе типы тутъ, по вашему, по-русскому, отрицательные и какіе — положительные?

— Вопросъ вашъ труденъ, отвѣчать я: — Чеховъ не былъ бытописцемъ въ подлинномъ значеніи этого слова, и поэтому его образы почти невозможно трактовать, какъ типы.

— Ну, хорошо, допрашивался чехъ: — пусть такъ. Не будемъ говорить о типахъ. Но есть же здѣсь, въ этой пьесѣ, люди, близкіе нашей русской душѣ, и есть далекие? Есть люди, правившіеся и есть не правившіеся?

— О, конечно, отвѣчалъ я: — прежде всего, вотъ эти три сестры и ихъ несчастный братъ. Онѣ всегда волнуютъ русскую душу.

— Гм! Волнуютъ русскую душу, какъ-то загадочно ухмыливался чехъ: — ну, прекрасно. Пусть эти образы волнуютъ вашу русскую душу, ну а вотъ судя по тому, что роль учителя Кулыгина, мужа

Маши, играетъ комическій актеръ, — это образъ, по вашему, смѣшной?

— Смѣшной! Чехъ недоумѣнно пожалъ плечами, вытянулъ безъ передышки кружку пѣнастаго пшорра, вытеръ усы и сказалъ:

— Сакраментскій, — тогда я ничего не понимаю. Пусть то буде глупство, но убейте меня: я ничего не понимаю. По нашему, по чешскому, это Кулыгинъ, учитель, самый положительный типъ. Онъ, правда, не блещетъ, можетъ-быть, умомъ, но за то онъ и не лѣзетъ въ профессора Московскаго университета. Онъ, по мнѣ, силъ, работаетъ, трудится, искренне уважаетъ свое начальство, понимаетъ, что такое дисциплина, очень ласково, тепло и самоотверженно любитъ свою жену. Онъ гораздо благороднѣе того пьянаго старика-доктора, который, по нежесткости, загналъ на тотъ свѣтъ пациента, напился пьянымъ и началъ на всѣ комнаты доносительно орать, что у Натанъ съ Протопоповымъ — романъ. А Кулыгинъ, зная, что у его жены, у его любимой Маши — сильное увлеченіе, да развѣ это увлеченіе? — любовь! — молча переживаетъ свою боль, свою муку, не говоритъ ни одного слова упрека, не дѣлаетъ ни одного негодующаго жеста.

Напротивъ, когда она плачетъ въ любовной, прошальной тоскѣ, Кулыгинъ прицѣпляется къ носу фальшивые усы и старается разсмѣшить. А у самого, какъ вы, русскіе, говорите: кошки скребутъ по голодѣ. Милый, прекрасный, пожалуй, са-

мый лучшій образъ въ этой пьесѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаемъ мы, чехи.

— Ну, а сестры? Какъ онѣ по вашему, по чешскому? — спросилъ я.

— Глупыя женщины, рѣшительно отрёзалъ чехъ: — въ чемъ дѣло? Онѣ все время дюжотъ: въ Москву, въ Москву, въ Москву! А сами ни съ мѣста. Что имъ мѣшаетъ? Я сначала думалъ, что у нихъ — денегъ нѣтъ. Но въ третьемъ актѣ выяснилось, что у нихъ былъ незадаченный домъ, который въ концѣ концовъ Андрей, этотъ неудавшійся московскій профессоръ, проигралъ въ карты. Значитъ, и деньги были. Онѣ напоминаютъ мнѣ чловѣка, который тонетъ и не хочетъ рукой взмахнуть, чтобы плыть. Не хочетъ крикнуть о помощи. Эти сестры-самоубійцы. По нашему, по чешскому. И никакой симпатіи онѣ у насъ не вызываютъ.

— А братъ ихъ Андрей?

— Отвратительный субъектъ. Онъ похожъ на того Ивана Ивановича, который въ нашемъ «Ревизорѣ» потопилъ и все играетъ на скрипкѣ. Это — очень бездарный чловѣкъ. Если бы онъ и прїѣхалъ въ Москву, то никогда бы профессоромъ Московскаго университета не былъ. Мы, чехи, увѣрены, что въ пятомъ актѣ этой пьесы Наташа заставила бы его брать взятки и онъ вмѣстѣ съ этимъ невидимымъ Протопоповымъ непременно попалъ бы подъ судъ.

— А Наташа? — спрашивалъ я.

— Наташа есть Наташа, — отвѣчалъ чехъ, — переходя на четырнадцатиградусный лѣтакъ: — она — мѣшаника, она не добрая и властная, она знаетъ, что дѣлаетъ. Она лунку съ неба не перехватываетъ. И въ томъ, что она забрала власть въ домѣ, опять же виноваты эти несчастныя три самоубійцы. Такихъ людей по-

мощно любить, что и доказали наши большевики. Мы, чехи, до сихъ поръ не понимали, какъ нѣсколько чловѣкъ могутъ держать въ рукахъ стоимилліонный народъ. Теперь, глядя на наши представленія, начинаемъ понимать.

— А въ общемъ, какъ вамъ нравится спектакль?

— Что-то боговское. Ничего подобнаго ни я, ни мой отецъ, ни мой дѣдъ не видали.

Я однажды встрѣтилъ очаровательную женщину, у которой одинъ глазъ былъ синий, а другой — сѣрый. Если вы посмотрѣли на нее слѣва, со стороны сѣраго глаза, — выраженіе лица было одно. Если вы смотрѣли на нее справа, со стороны синяго глаза, — выраженіе лица было другое.

Такого чловѣкомъ съ разными глазами былъ, по моему, Чеховъ.

Сѣрый глазъ Чехова — это холодный, остроаблюдающій, дѣтко схватывающій и глубоко запоминающій глазъ врача, чловѣка, воспитаннаго по всей строгости и неумолимой логикѣ научныхъ дисциплинъ. Люди, близко знавшіе Чехова, говорили, что если бы онъ не сталъ писателемъ, то онъ былъ-бы выдающимся врачомъ-диагностомъ въ родѣ Захарьина. Такой врачъ не упуститъ ни одного самаго малаго болѣзненнаго явленія, онъ все учтетъ, все извѣститъ, все спокойно оцѣнитъ и все поставитъ на мѣсто. Этотъ сѣрый и холодный глазъ Чехова очень ярко сказался въ его изслѣзованіи «Островъ Сахалинъ», написанномъ съ подлинной научной силой. Этотъ его сѣрый глазъ, глазъ умнѣйшаго, быть можетъ, чловѣка Россіи, ярко сказался въ его знаменитыхъ, гитимныхъ письмахъ и особенно безпощадно выявился въ томъ холодномъ и горькомъ отрывкѣ, въ ко-

торомъ Чеховъ говоритъ о русской молодежи, прекрасной въ свои юношескіе, университетскіе годы, но, спрашиваетъ онъ:

— Откуда же берется эта сволочная русская интеллигенція, эти ворующіе инженеры, эти пьянствующие адвокаты и т. д. и т. д.?

Какъ врачъ, какъ ученый, какъ общественный дѣятель Чеховъ отлично понималъ удѣльный вѣсъ своихъ героевъ, но — бѣда или счастье? — вмѣстѣ съ глазомъ сѣрымъ Богъ далъ ему глазъ синий, глазъ поэта изящнѣйшаго и вдохновеннѣйшаго.

Со всей силой и гнѣвомъ пророка и патриота, который царское величіе Рима предпочиталъ простой зеленой русской лужайкѣ, онъ сѣроглазый, хотѣлъ проклясть эту «сволочную» интеллигенцію, но приходило время, загорался синий глазъ, — и у поэта, вмѣсто проклятій вырывалось благословленіе.

Эти ничтожества, эти дѣшныя и хмурые люди восьмидесятыхъ годовъ, окутаны у него дымкой такой подлинной, такой очаровательной поэзіи и красоты, что невольно и неумолимо поддаешься ихъ вліянію и чувствуешь какъ властно и навсегда они тебя захватываютъ.

— Вамъ ихъ не жалко, этихъ людей? — спрашивалъ я у пражскаго чеха.

— Конечно, жалко, отвѣчалъ чехъ: — но развѣ это — доводъ. Мнѣ вотъ и курить жалко, которую я бѣ, и, всетаки, я ее бѣ.

Чехъ долго пилъ пиво, смотрѣлъ въ сторону, поднималъ правую бровь, что-то соображалъ, и потомъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ признавался:

— И все таки у меня есть какое-то сакраментское чувство въ душѣ. Онѣ, эти

сестры, все таки, очаровательны. И вотъ, говорю, пиво, а въ душѣ есть, кажется, чувство зависти къ нимъ. Это, все таки, какая то высшая порода людей. Все таки въ нихъ есть какая-то покоряющая царственность.

Въ 51-й главѣ своей книги, пророкъ Исаія, за много сотъ лѣтъ, предсказалъ и описалъ страданія Христа съ такой ясностью и такими подробностями, которыя могъ знать только чловѣкъ, стоявшій у креста.

— Раздѣлиши ризы мои и оба одеждѣ моей меташа жребія.

Достоевскій — русскій пророкъ Исаія. За много десятковъ лѣтъ въ «Бѣсахъ», онъ съ такимъ яснотнѣмъ и точностью изображалъ русскую революцію, съ какой мы, благополучно пребывающіе на рѣкахъ Вавилонскихъ, не могли бы сдѣлать этого теперъ, послѣ того, что при дневномъ свѣтѣ видѣли своими глазами и на всемъ народѣ слышали своими ушами.

У Чехова не было библейской ясности, но предчувствія смутныя и неопредѣленныя и безпокойныя бродили въ его душѣ, онъ видѣлъ какіе то предутренніе сны о Россіи и рассказывалъ ихъ въ тончайшихъ образахъ своего «Вишневаго Сада».

Предчувствовали ли Чайковскій въ шестой симфоніи свою смерть? Симфонія была написана и сыграна имъ въ 1894 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до рокового исхода и разнѣ аккорды «со святыми упокой» и разнѣ эти отрывчатые «*estacato*» въ концѣ четвертой части не символизируютъ постепенно останавливающагося бѣднаго чловѣческаго сердца?

«Вишневый Садъ» — пятая и послѣд-

ная, предсмертная чеховская симфонія:

«Вишневый Садъ» — символъ, символъ нашей Россіи.

Мы, Гаевы и Раневскіе, владѣли садомъ, равнаго которому не было на землѣ. Это мы безтолково и безконечно говорили, обращаясь къ шкафу, къ природѣ, къ дому. Это мы, взрослые дѣти на леденцахъ проѣдали цѣлыя состоянія. Это мы, по своей неуклюжести и безпечности, ухитрялись назначать вечеринки на тѣ дни, когда наши вишневые сады шли съ молотка. Мы никогда не понимали этого зловѣщаго звука: не то лопнувшей струны, не то бадьи сорвавшейся въ шахтѣ. Шелъ на насъ пьяный и наглый босякъ, пѣлъ торреодора, и мы молча уступали ему дорогу, давали маленькій золотой, и не хотѣли понять, и отгоняли ту тревогу, которая хотя смутно, но всетаки тревожно рождалась въ нашихъ сердцахъ.

Мы были очень виноваты передъ своимъ Вишневымъ Садомъ, — и этотъ грѣхъ по сбывшемуся пророческому слову Трофимова искупаемъ теперь здѣсь на рѣкахъ Вавилонскихъ, искупаемъ тяжелымъ трудомъ и страданіемъ.

Нашъ Вишневый Садъ проданъ съ молотка!

Пришелъ Лопахинъ и хватилъ топоромъ по Саду и Дому нашему, по Россіи, которую мы и любили, но съ какой то мягкой небрежностью, съ какой то беззаботностью, какъ то не замѣчали ни стѣнъ, ни потолокъ, ни тѣхъ комнатъ, въ которыхъ любила ходить наша мать. И только тогда, когда многотрубные пароходы оторвали насъ отъ послѣднихъ полюсь родной земли, отъ родныхъ куполовъ и крестовъ — только тогда мы поняли, что проданъ нашъ Вишневый Садъ, тогда мы поняли, чѣмъ онъ былъ для

насъ, тогда только затряслись наши плечи отъ безудержныхъ рыданій, только тогда безпомощно поникли наши головы.....

Чеховъ ошибся: топоромъ по Вишневому Саду хватилъ не Лопахинъ, Лопахинъ благополучно живетъ въ Парижѣ по румынскому паспорту и открылъ ресторанъ. Дѣла его идутъ ничего и онъ подумываетъ о гаражѣ. Топоромъ по Вишневому Саду хватили: Яшка и Епиходовъ.

Епиходовъ даже въ комиссарахъ народнаго просвѣщенія состоитъ, ибо онъ не даромъ же читалъ Бокля.

Три четверти чеховскихъ пророчествъ сбылись. Неужели не сбудется послѣдняя четверть:

— Милая мама, не плачь. Мы вернемъ и насадимъ новый Вишневый Садъ.

Слово пророка ложнымъ не бываетъ.

Если Шекспиръ — Микель Анжело, то Чеховъ — Бенвенуто Челлини. Тончайшій и нѣжнѣйшій ювелиръ, равнаго которому и не было въ современной мировой литературѣ. Чехова не могли играть въ самой крупной и лучшей русской провинціи. Не могли играть его и въ нашихъ Императорскихъ театрахъ. Не помню: игралъ ли его московскій Малый, но нашъ, Александринскій, ставилъ «Чайку» и «Вишневый Садъ» и послѣ этихъ опредѣленно неудачныхъ опытовъ развѣ навсегда отказался отъ нихъ.

Русскіе люди девяностыхъ годовъ отдали въ чеховскихъ пьесахъ свои сердца: Книпперъ, Станиславскому, Качалову, Москвину, Артему, Лужскому, Вишневскому и не находили боговъ достойныхъ ихъ смѣнить. У Книпперъ, напри-
мѣръ, въ «Вишневомъ Саду» былъ смѣшокъ, который сразу и безъ дальнѣйшихъ словъ, безъ нажимовъ расшифро-

вывалъ и обнажалъ всю душу Раневской, — душу прекрасную, но тронутую какой то неуловимой и очаровательной порочностью М. Н. Германова играетъ ее съ преувеличенной сдержанностью и вы какъ то не вѣрите, что эти телеграммы въ первомъ актѣ такъ рѣшительно разрываема — въ третьемъ актѣ будутъ уже прочитаны и бережно спрятаны въ сумку.

Брюлловъ писалъ копіи съ Рафаэля, и Павловъ понялъ, что сколько ни старайся, а лучше Дениса не скажешь, и потому, не мудрствуя лукаво, воспроизвелъ Артемовскій образъ, и это идетъ артисту не въ умаленіе, а въ большую похвалу. Шаровъ прекрасно и умѣло сыгралъ своего Гаева.

Развернулся въ Лопахинѣ Комиссаровъ и сыгралъ его превосходно. Въ Леонидовѣ была какая то непріятная ломанность. У Комиссарова русскій захватъ и размахъ. Очень хорошо было его волненіе и стыдъ, когда онъ только что пріѣхалъ съ торговъ и еще не сказалъ никому ни слова о покупкѣ.

У Сѣрова Епиходовъ былъ слегка развязенъ: это дуракъ сдержанный и надутый. И потомъ — слишкомъ много несчастій на сценѣ.

Очень умно и осторожно подошелъ къ своей роли г. Дуванъ-Торцовъ, и Вырубовъ съ хорошимъ темпераментомъ сыгралъ Трофимова.

Сильнымъ контрастомъ всему этому безволю прошелъ по сценѣ въ минутной, но знаменательной роли г. Алексѣевъ (прохожій).

Очень сильна была въ Варѣ г-жа Крыжановская и совершенно очаровала талантливѣйшая Гречъ: какая это превосходная, всегда радующая актриса.

И. Сургучевъ.